

Автор: Леонтьев Д. (Россия)

О, не вставляй картину мира в рамку!

Д.А. Леонтьев. «Однопсишия»

Эта статья посвящена проблеме функционирования мифа, в частности одному вопросу: как он встраивается в систему регуляции жизнедеятельности и как соотносится с бытием — ведь устойчивый, неоспоримый, самоочевидный и обычно плохо рефлекслируемый миф иначе, хотя и не менее сильно, обуславливает наши действия, чем динамичные жизненные процессы. Между мифом и актуальным бытием-в-мире как двумя основаниями регуляции существуют достаточно сложные двусторонние отношения, поэтому не лишней представляется постановка вопроса «кто кого» в случае их конфликта, расхождения: подчинится ли сознание упрямой реальности или, напротив, будет трансформировать реальность, подчиняя ее своему руководящему и направляющему мифу.

Некоторое время тому назад я описал миф как форму мировоззрения (Леонтьев, 2004). Мировоззрение, в свою очередь, было описано как ядро картины мира, система наиболее общих представлений о том, как устроен мир и люди. Единицей мировоззрения всегда выступает генерализация, т.е. обобщение. В нем выделяются четыре аспекта: онтологический, структурный, функциональный и ценностный.

Есть ли в мировоззрении что-то, кроме мифа? Я описал две формы мировоззрения: мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность. В первом случае мы некритично принимаем готовые упакованные объяснения и схематизмы, рассказывающие нам что-то о мире, и интегрируем их в готовом виде в нашу структуру мировоззрения. В мировоззрении как деятельности объяснительные структуры не получаются, а формируются, представляют собой результат переработки, нашего опыта. Их противопоставление относительно, в реальности элементы и того, и другого происхождения оказываются в достаточной степени слиты; миф пронизывает все. Как показал А.М. Лобок (1997), даже научное знание имеет природу мифа, хотя бы по той причине, что оно основывается на некоторой существенной аксиоматике, которая эмпирически не проверяется и принимается без доказательств. Впрочем, отличие научного знания от житейского, эзотерического и др. состоит в том, что в нем всегда сохраняется рефлексивное разделение, нетождественность теории (объяснительного схематизма) и самой реальности, которую она описывает, тогда как подлинный миф неотделим от реальности, тождественен ей. Мифу присуща гармония с бытием, и требуется пройти немалый путь развития, пока станет возможным усомниться, проблематизировать какие-то объяснения, к которым мы привыкли. Когда мы живем на бессознательном уровне, гармония непоколебима. В подростковом возрасте с развитием самосознания как раз и возникает способность ставить под сомнение все те

схематизмы, объяснения, мифы, которые раньше воспринимались абсолютно некритично. Возникает некоторая возможность самоопределения по отношению к мифу и способность выходить за рамки этой гармонии.

Если спросить людей, насколько они хотя узнать, как мир устроен на самом деле, я думаю, узнать правду захочет меньшинство. Смутно люди понимают, что они живут в некоторой комфортной картине, и если им пригрозить перспективой знания, это разрушит их комфорт и повысит тревогу.

[illegible]

Зачем человеку мировоззрение, миф, стабильная картина мира? Ответ на этот вопрос помогает дать эволюционный анализ развития саморегуляции жизнедеятельности.

Поведение животных регулируется пробами и ошибками: наиболее удачливые особи выживают и размножаются, менее удачливые гибнут. На базе механизма переработки опыта проб и ошибок формируется простейший контур обратной связи: если проба оказалась успешной, она повторяется, а если нет, то тактика меняется.

Изменения в принципиальной структуре контура регуляции возникают с появлением механизма памяти. Когда субъект начинает припоминать, какие пути в прошлом вели к результату, а какие — нет, обратная связь от результатов действий заменяется элементами прошлого опыта. Действия меняются под влиянием не обратной связи, а аналогии с прошлым опытом. Это не столь достоверное основание, ведь неизвестно точно, будет ли в этот раз так, как в предыдущий. Опора на прошлый опыт связана с проигрышем в достоверности. Вместе с тем такой способ действий минуя пробы, опираясь вместо них на память, дает выигрыш в скорости, поскольку не надо каждый раз проходить весь путь проб в знакомой ситуации заново. Он спрямляет мой путь к познанию, к ориентировке.

Когда мы доходим до уровня человека, мы сталкиваемся еще с одним новшеством — коммуникацией опыта. Человек может опираться не только на свой личный прошлый опыт, но и на то, что ему сообщили другие люди. В результате в контур регуляции жизнедеятельности встраивается еще более сложное звено — чужая память, передаваемая речевыми средствами информация.

Итак, когда у нас возникают обобщения на базе собственного опыта и усвоенного чужого, строится картина мира и ее ядро — мировоззрение, которое служит нам источником антиципаций и планирования наших действий и в этом качестве дополняет обратную связь, получаемую нами от наших действий непосредственно. Термин «информация», который часто используется в этой связи, не очень удачен, поскольку он стирает весьма важные различия.

Информация информации рознь. Есть информация, которую субъект получает как обратную связь от своих действий, а есть информация опосредованная, переданная,

усвоенная, источником которой служит не личный опыт или, по крайней мере, не актуальный личный опыт. Та информация, которую мы получаем непосредственно, действуя в мире, сравнительно достоверна, но локальна. Та информация, которая включена в устойчивую картину мира, обща, многое охватывает, но, во-первых, лишь ограниченно достоверна, поскольку включает чужую непроверенную информацию, Во-вторых, переработка нами собственного опыта не всегда адекватна, она характеризуется массой ошибок и несовершенств. Наконец, в-третьих, наша картина мира стабильна, мы ее воспринимаем как инвариантную, но мир меняется, не стоит на месте. В результате мы опираемся на прогнозы, которые не успевают меняться: «прогноз всегда устойчивей погоды...» (Леонтьев. Однопсишия).

Даже применительно к познанию человека мы сталкиваемся с явлением, которое Дж. Келли назвал «онтологическая акселерация» (Kelly, 1969): современная психология описывает не современного человека, а человека, который был некоторое время тому назад. Человек уже изменился, а наука не успела на это среагировать. То же относится и к конкретным людям. «Единственный, кто поступал разумно, был мой портной. Он снимал с меня мерку заново каждый раз, когда видел меня, в то время как все остальные подходили ко мне со старыми мерками, ожидая, что я им буду соответствовать» (Бернард Шоу).

□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□ III

Из сказанного вытекает своеобразный вариант принципа неопределенности. Если вы хотите получить максимально достоверную информацию о мире, фиксируйтесь на обратной связи от ваших действий, но в этом случае информация будет заведомо локальной и узкой, ей не будет доставать широты и контекста. Если вас интересует широта, контекст и осмысление, полагайтесь больше на картину мира, на ассимиляцию самого разного опыта, но тогда вы потеряете в достоверности.

Центральным моментом оказывается опыт и то, как мы с ним обращаемся. Опыт — это не просто информация, не просто событие биографии, это событие или информация переработанные, интегрированные в картину мира. Переработка может происходить автоматически, но тогда из опыта извлекается довольно мало. Полноценная переработка информации в опыт — это особая внутренняя деятельность, которая имеет сложную структуру. Форма психологической практики, которую я называю житнетворчеством (Леонтьев, 2001) в основном нацелена на коррекцию, выстраивание, развитие этой внутренней деятельности по выработке собственного опыта.

Итак, картина мира частично основана на переработанном собственном опыте, частично — на мифологии. Первое является продуктом переработки бытия-в-мире и определяется им, второе всегда в некотором смысле предшествует бытию и выступает опорой для него. Способы и формы переработки нами опыта лежат в континууме, задаваемом двумя полюсами: первый — это строгий дедуктивный вывод планов на будущее из знания, как устроен мир и как надо себя вести в этом мире, «уверенность в завтрашнем дне», второй — это описанная в экзистенциальной философии пограничная ситуация, в которой опыт не помогает, ориентиры, направляющие действие, отсутствуют

и возможно только чистое беспредпосылочное бытие-в-мире, экспериментирование. В первом случае картина мира есть абсолют: если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов. Во втором крайнем варианте, наоборот, она отбрасывается, что-то реальное можно делать только здесь-и-теперь. «Об Отто Уилле, легендарном терапевте, сообщается, что он периодически прерывал бесконечные размышления сильно скованного пациента с навязчивостями, высказывая предложения типа: «Послушайте, почему бы вам не сменить имя и не переехать в Калифорнию?» (Ялом, 1999).

Ситуация «здесь-и-теперь» смещает акцент с широты ориентировки на достоверность, ограничивая контекст бытия-в-мире. Широта ориентировки прямо связана с контекстом, а контекст задает смысл (см.: Леонтьев, 1999). Я не могу извлечь смысл, не включая мою ситуацию в контекст и не выходя за рамки узкого здесь-и-теперь; собственно обратная связь дает мне очень ограниченный контекст. Широкий контекст дает миф, поэтому справедливо говорят о смыслообразующей функции мифа. И тогда сформулированный выше принцип неопределенности можно переформулировать в идее неустранимой оппозиции достоверности и осмысленности, истины и смысла. Фиксация на текущем моменте ведет к повышению достоверности, к пониманию истины о себе. А фиксация на широкой перспективе приводит к осмыслению, к пониманию не столько реальности, сколько сферы возможностей и некой перспективы. «Ничего, кроме действительности нет, — говорит герой повести М. Анчарова другому. — Есть. — Что? — Перспективы». (Анчаров, 1983, с. 85). Работа с перспективой осмысления составляет основное содержание техники житнетворчества (Леонтьев, 2001). Если психотерапия работает с достоверностью самопознания, то житнетворчество — с перспективой осмысления. Поскольку важно и то, и другое, акценты в плане практической работы могут ставиться по-разному.

□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□ IV

А теперь вернемся к исходному вопросу: на основании чего мы прокладываем свой путь, свою траекторию в мире? Возможно несколько ответов, несколько разных случаев. Первый из них, самый распространенный — неинтегрированная, фрагментарная регуляция. Человек действует в большей степени в режиме стимул—реакция, реагирует на внешние импульсы, ведет себя ситуативно, не имея конкретной перспективы на будущее. Такая регуляция есть у каждого человека, исследователь может ее зафиксировать, но сам человек напрямую ее отрефлексировать не в состоянии. Второй вариант — регуляция на основе устойчивой картины мира, стремление к минимизации изменчивости и тревоги, повышению уверенности в правильности своих действий: я должен понять, как действовать правильно, а это выводимо из картины мира. Человеку очень важна устойчивая картина мира, об этом, в частности, писал Э. Фромм (2001). Важнее иметь хоть какое-то, пусть даже недостоверное мировоззрение (хотя правдоподобное, конечно, лучше), мифологическую, фантастическую картину мира, чем никакую. Нет более трудной психологической задачи, чем заставить человека отказаться от своей картины мира или что-то изменить в ней — даже осознавая и принимая, что его картина мира не совсем соответствует реальности, человек не желает избавляться от своих иллюзий. Эти иллюзии дают ему что-то в психологическом смысле

более важное, чем истина. Наконец, третий вариант — большее доверие к опыту и признание относительности, изменчивости картины мира, что является одним из ключевых моментов экзистенциального мировоззрения.

Психологически комфортнее опираться на картину мира, чем на обратную связь, ибо это дает ощущение контроля даже над будущим. Комфортнее жить в мифе. Комфортнее преувеличивать устойчивость мира и недооценивать изменчивость, ибо это дает ощущение достоверности моих представлений о мире. Комфортнее разделять мифы социальных групп, включая в свою картину мира уже готовые элементы, ибо это дает ощущение социальной поддержки, соборности. Как говорили в одной сценке люди, идущие друг за другом по кругу: «Впереди меня люди, значит мы идем правильно».

□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□ V

Подведем итоги. Последовательный анализ вопроса о том, какой вклад вносит в регуляцию жизнедеятельности обратная связь от текущих действий, а какой — устойчивая обобщенная картина реальности, сформированная на основе генерализации своего опыта и интеграции чужого, привел к нескольким неожиданным выводам. Оказывается, что истина и смысл недостижимы одновременно: стремясь к максимальной достоверности, я неизбежно сужаю контекст рассмотрения и тем самым ограничиваю смысл ситуации; стремясь к максимальной осмысленности, я расширяю обобщенные контексты и неизбежно удаляюсь от конкретного поля, в котором осуществляется мое бытие-в-мире. Вопрос «кто кого», таким образом, получает такой ответ: побеждая, я одновременно неизбежно проигрываю. Вместе с тем сформулированный принцип неопределенности открывает два пути, которые невозможно совместить, но которые оставляют субъекту выбор одной или другой стратегии саморегуляции. Вытекающие из этого различия следствия выходят за рамки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анчаров М. Дорога через хаос. М.: Молодая гвардия, 1983.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
3. Леонтьев Д.А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. М.: Смысл, 2001. С. 100-109.
4. Леонтьев Д.А. Мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / Под ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. Изд во Томского гос. ун-та, 2004. С. 11-29.

5. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Отд. образов. администр. Октябрьского района, 1997.
6. Фромм Э. Искусство любить. СПб.: Азбука, 2001.
7. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: НФ Класс, 1999.
8. Kelly G. Clinical psychology and personality: the selected papers of George Kelly / B. Maher (Ed.). New York: Wiley, 1969.